

Обычный выходной день в нашей семье. Нет, дорогой читатель, на сей раз ты не угадал. Увы. Я не на диване (такое бывает не часто). Глава семейства, то бишь, я — за компьютером, а супруга где-то там вдальеке, на кухне, гремит своими кастрюльками, тарелками и прочей утварью. Удивительно, но именно эта кухонная какофония вызывает у меня умиротворение, чувство какого-то домашнего уюта, спокойствия и, конечно, сытости.

Пока я писал эти строки, на кухне неожиданно воцарилась тишина. Покидаю свой кабинет и нехотя топаю в другую часть дома, выяснять причину отсутствия звука. И что я вижу: моя ненаглядная тихонько возлежит на диване и читает! Знаете кого? Некрасова! Да-да! В ее руках потрепанный, с пожелтевшими страницами, томик Николая Алексеевича.

— Дорогая, как это понимать? С чего это вдруг тебя потянуло на классику? Неужели школьной программы не хватило? Или ты именно сейчас решила выяснить, кому на Руси жить хорошо? Уверяю, только не нам с тобой.

Супруга с явной неохотой откладывает в сторону книгу и, не вставая с дивана, вопрошает:

— Вот ты у меня писатель, ну и еще историк. Ответь бедной женщине, а самому Некрасову хорошо жилось на Руси-матушке?

Слова благоверной заставили меня призадуматься. А действительно, каковы были доходы поэта? Всем известно, что господин Некрасов жил на широкую ногу и вроде бы не бедствовал. Чтобы уйти от сиюминутного ответа, я предложил:

— Золотко мое, быстренько собирайся, пойдем в парк, к памятнику этому самому Некрасову, а по дороге как раз и обсудим гонорары блистательного поэта, литератора и издателя журнала «Современник».

* * *

Сборы моей половины к выходу за пределы нашего жилища занимают никак не меньше получаса, поэтому у меня появилось время порыться в «авгиевых конюшнях» своих записей и подготовить ответ на каверзный женский вопрос.

На улице жена нежно взяла меня за руку и заглянула в глаза.

— Ну, я жду? Ты обещал!

— Тебе, дорогая, о доходах литератора, а потом об отношениях с прекрасной половиной человечества или наоборот?

— Вот как я задала тебе вопрос, так и отвечай. Что в те, стародавние времена, что сейчас — сначала денежки, а потом женщины. Бывает, конечно, и иначе, но редко.

— Николаю Алексеевичу, в целом, неплохо жилось. Шикарная квартира, процветающий бизнес, членство в престижном Английском клубе, роскошные выезды на охоту на трех тройках, картишки, серьезные выигрыши по несколько тысяч зарез. Согласись, что собирать информацию для своих будущих произведений о нищих крестьянах гораздо приятней, когда перемещаешься через села и деревни в хорошей карете, запряженной породистыми лошадьми, а сзади следует телега, полная изысканного провианта. Иногда, на пару-тройку минут, остановиться у избушки. Перекинуться несколькими фразами с местными. И поэту не лишняя информация, да и лошади отдыхают. Маленько посочувствовать крестьянам и, конечно, помочь материально, а как же без этого. Поэт в таких поездках был щедр, платил за стакан парного молока аж целый рубль. Однако просил, чтобы продавец подробно рассказывал при этом о своем житье. Сочувственно слушал, вздыхал, охал, после чего кутался в дорогую шубу, да и велел трогать. Домой, в стольный град. В теплый дом. К привычной роскоши и уюту. К друзьям из Английского клуба.

— Вот вечно ты так. Никак не хочешь ответить на мой простой и ясный вопрос. На что он так шикарно жил. На гонорары от своего литературного труда? Сколько же он зарабатывал на стихах?

— Николай Алексеевич очень прилично играл в карты. Можно сказать, профессионально. Был игроком азартным и удачливым. Случалось, за ночь выигрывал такие суммы, которые сельские мужики не видывали в своей жизни никогда. Но и тратились шальные деньги легко. Конечно же, на особ женского пола, на охоту и пирушки.

— А я где-то читала, что в юности поэт был беден, ночевал прямо на улице и постоянно недоедал.

— Да, было в судьбе Некрасова и такое время. Однако хочу тебе сказать, все эти лишения и невзгоды возникли лишь потому, что юное дарование разругался со своим батюшкой и наотрез отказался делать военную карьеру. Ему хотелось не в офицеры, а в университет.

* * *

— Дорогу в стольный град будущему светилу русской поэзии оплатил отец. А сыночек банально обманул родителя. На семейном совете заявил, что собирается поступать в кадетский корпус. Однако, прибыв в город, подал документы на филологический факультет университета. Мало того, на выделенные ему средства издал книгу «Мечты и звуки». Как и следовало ожидать,opus неизвестного литератора не продавались вообще. И в университет Некрасова не приняли. Сама понимаешь: дорога домой после таких выкрутасов была закрыта. Он остался в Петербурге. Юношу согревала мечта, он верил: рано или поздно все же сможет взобраться на вершину поэтического олимпа. Чтоб хоть как-то прокормиться, строчил заметки во все газеты. Пытался писать сценарии водевилей для маленьких театриков. Когда деньги совсем кончались, шел на площадь перед Сенным рынком, за гроши или просто за кусок хлеба создавал прошения для неграмотных крестьян. Ночевал в ночлежке для бездомных. Когда появлялись кое-какие деньги, позволял себе снять угол на чердаке. Заметь, так жил потомственный дворянин, детство которого прошло в поместье, в окружении крепостных и слуг.

В один мало прекрасный день голодный Некрасов вспомнил о родовом запрете. Дело в том, что страсть к карточной игре передавалась в их семье по наследству. И прадед, и дед будущего поэта были заядлыми картежниками. Один предок проиграл семь тысяч душ, другой две. Отцу будущего поэта проигрывать было уже нечего. Но премудростям карточной игры и охоты он своих сыновей обучил превосходно. А больше ничего делать в этой жизни Алексей Сергеевич Некрасов не умел.

— Но, дорогой мой. Ты же прекрасно знаешь, для того, чтобы сесть за карточный стол, пусть даже в самом захудалом трактире, надо поставить на кон деньги. А что мог поставить бедный юноша, у которого не было средств даже на прокорм?

— Ответить однозначно на твой вопрос я не могу. Может быть, он положил на игральный стол свое выдавшее виды пальто или шапку. Главное не в этом. По всей вероятности в тот раз он выиграл, потом еще и еще. Знания, переданные родным ба-тюшкой, упали на благодатную почву. Играл молодой Николай великолепно.

В начале сороковых годов позапрошлого века он познакомился с самим Белинским. Стал писать стихи на социальные темы. Его заметили в литературных кругах. Начали поступать первые скромные гонорары.

— Ты хочешь сказать, что с этого момента он стал жить за счет своего литературного дара? То есть, как и мечтал, стал узнаваемым литератором?

— Не совсем так. Бесспорно, его произведения о страданиях сельских крепостных и бедняков, обитающих в городах, находили отклик в сердцах читателей. Некрасова стали издавать. Доходы год от года возрастали. Однако должен заметить тебе, ко времени знакомства Николая Алексеевича с Белинским он уже был вполне преуспевающим членом столичного общества. И, понятное дело, давно распрощался с койкой на чердаке. Господин Некрасов снимал вполне приличное жилье, одевался по последней моде и даже позволял себе нанять прислугу. А в свободное время, устав от карточных дел, сочинял стихи и поэмы на злобу дня.

* * *

— Преферанс, винт, безик,— впрочем, не важно. Поэт был асом в любой карточной игре. Как я тебе уже говорил, и прадед и дед Некрасова проигрывали родовое богатство — их потомок весьма успешно отыгрывался.

— Неужели выиграл миллион? — Жена остановилась и внимательно посмотрела на меня.

— Думаю, миллион — это, конечно, преувеличение, но несколько сотен тысяч точно. Дело в том, что став членом элитного Английского клуба, он заполучил себе в партнеры по карточным играм крупных помещиков, высокопоставленных государственных сановников и банкиров. Николай Алексеевич хвастался своим друзьям, что смог выиграть у будущего министра финансов Абаза почти миллион франков.

— А сколько это по курсу в тамошних российских рублях?

— Точно не скажу, но примерно полмиллиона рублей.

— Он, наверное, знал слово какое-то заветное или примету. Раз ему так в карты везло.

— Конечно, как у всякого заядлого игрока у поэта были свои приметы. Одна из них — никогда и никому не давать в долг накануне большой игры. В другие дни — пожалуйста. Приходи — проси. Одолжу маленько. Но только не за день до ставок. Это было его принципиальное кредо.

Случилось, что молодой, начинающий журналист из «Современника» Игнатий Пиотровский попросил рублей триста в счет будущего оклада. За день до начала крупной игры: понимаете ли, Николай Алексеевич, долги, кредиторы совсем заели, тюрьмой грозят. Слыхал я, что и вы в молодости в моем положении бывали. Помогите-

те. Прошу... А Некрасову, как назло, вечером в Английский клуб. Ну разве можно в такой вечер одалживаться.— Юноша, ну ей-богу. Никак не возможно. Совсем никак.

Журналист от безысходности застрелился.

— Вот это да! Никогда не слышала этой печальной истории. Однако, согласись, рядом с таким человеком обязательно должна быть эффектная женщина. Личная жизнь у поэта была? Будь добр, расскажи, пожалуйста. Сам же прекрасно знаешь. В нашем учебнике по литературе ни о картах, ни о женщинах не говорится ни слова.

— Однажды Белинский привел своего друга Некрасова в гости к литератору Панаеву. Замечу, что его жена Авдотья была в то время более чем привлекательна и купалась в бесконечных комплиментах своих многочисленных поклонников. Более того, было время, когда сам Федор Михайлович Достоевский прилагал немалые усилия, добываясь ее расположения.

— Да! Вот с этого момента прошу, пожалуйста, поподробней.

— Увы. Я тебя разочарую. Нет никаких подробностей. Женщина решительно отказала великому классику. А вот с Некрасовым все срослось. Дело в том, что меценат и повеса Панаев снял новую просторную квартиру на Фонтанке. После чего взял, да и предложил другу семьи Некрасову оставить, наконец, свое жалкое жилище и переехать жить к нему на Фонтанку. Поэту отвели пару комнат в доме Ивана Ивановича. С арендной платой в ноль рублей! Мало того, хозяева от щедрот своих подарили гению шелковое кашне, фрак и еще много чего, необходимого для выхода в свет. Квартирант обставил жилье по своему вкусу. Вместо книг повесил на стены винтовки и чучела зверей.

Чета Панаевых и Некрасов регулярно выезжали на природу. Так сказать, в творческие командировки. Вот во время одного из таких вояжей в Казанскую губернию Авдотья и Николай открылись друг другу. Ну не покидать же после этого уютное жилище. Так и жили втроем. Вроде бы как шведская семья получилась. Целых 15 лет, до самой смерти законного супруга.

— И почему же муж терпел все это безобразие. У него что — глаз не было? Не вызвал нагнца на дуэль или хотя бы не выставил взашей?

— Понимаешь, дорогая, Иван Панаев уже через год после свадьбы полностью охладел к своей жене. Увы, такое нередко случается. Вечера проводил в кругу друзей и в обществе девиц легкого поведения. Вот и осталась Авдотья ни жена и не вдова.

— Скажи, а дети у нее были? Женщина ведь не только ради мужа живет. Ради детей.

— В середине сороковых годов чета Панаевых и поэт решили вместе провести лето. Понятное дело, поселились в одном жилище. Некрасов и Авдотья ждали ребенка и коротали время за написанием совместного романа «Три стороны света». Увы, мальчик родился очень слабым, прожил совсем недолго и умер. Любовники расстались. Тем не менее, поэт помнил свою музу до конца своих дней и даже упомянул ее в завещании.

— И все? Выходит наш Некрасов однолюб? Или все же были и другие романы?

— Имея весьма неплохой доход от издаваемого журнала и весьма приличные гонорары за публикацию собственных сочинений, поэт не покидал карточного стола. Регулярные выигрыши позволяли ему не волноваться о финансовом состоянии «Современника». Щедро помогал своим родственникам. Спонсировал малоимущих писателей. Оплачивал счета братьев Добролюбовых и покрывал расходы семьи Чернышевского. На свои средства открыл в Карабихе школу для крестьянских детей. В редакции его журнала было установлено большое зеркало с ящичками. В них поэт клал большую часть выигрыша. Оттуда брали деньги все, кто имел доступ в редакцию. Записка на зеркале гласила. «Для остро нуждающихся»...

* * *

— Мы уже почти пришли, а ты так и не ответил мне на вопрос. Кроме Авдотьи поэт еще кого-нибудь любил?

— В середине шестидесятых годов Некрасов отбыл за границу. Жил во Франции. Со своей сестрой Анной и француженкой Селиной Лефрен, актрисой одной французской труппы. Ездили к морю в местечко Диеппе. Поэт был в прекрасном настроении, здоровье его улучшилось. Сдается мне, что Селина в этот период жизни поэта нашла свое место в его сердце. Конечно, это только мое предположение, но в своем завещании Некрасов выделил ей десять с половиной тысяч рублей. Это известный факт.

Вернувшись на Родину, поэт познакомился с деревенской девушкой Феклой Викторовой. Ей шел двадцать третий год, ему уже стукнуло сорок восемь. Литератор вывел ее в свет. Театры, концерты, выставки. Он даже изменил имя своей дамы. Велел все называть девушку Зиной.

Зинаида боготворила поэта и учила наизусть его стихи. Могла сама, без помощи посторонних, оседлать коня. Сопровождала своего мужчину на охоте. Но случилось непоправимое. На Чудовском болоте она по неосторожности застрелила любимого пса Некрасова по кличке Кадо. После чего поэт повесил ружье на стену и более никогда на охоту уже не выезжал. В последние, самые тяжелые дни девушка была рядом со своим возлюбленным. Ухаживала, успокаивала, делала все необходимое. Как могла, скрашивала его пребывание на этом свете. За несколько месяцев до смертного часа Некрасов настоял на венчании и официальном бракосочетании. Безрадостная процедура состоялась в походной войсковой церкви-палатке. Ее установили прямо в зале некрасовской квартиры. Жениха вели к алтарю под руки. Поэт уже не мог передвигаться самостоятельно...

* * *

Мы пришли в парк. Стояли у памятника поэту.

— А ведь правду люди говорят: везет в картах, не везет в любви. Выигрывал большие суммы, был щедр, знаменит. Везло во всем. А детишек после себя не оставил. Женщины, конечно, были, но согласись, это не совсем правильная любовь. Хотя, может быть, я и не права. Не мне судить гения. Его уже давно рассудило время.

Мимо прошла девушка с лотком, в котором лежали букетики весенних цветов. — Продайте нам два, пожалуйста, — попросила жена и возложила их к подножью памятника. — Это от тебя и от меня. И от всех благодарных потомков.